

Когда часовая стрелка замерла на единице, Луань Чэн, глядя на разложенные на столе вещи, зевнул в восьмой раз.

Он смертельно хотел спать и одновременно не знал, то ли ему смеяться, то ли плакать.

— Мам, ты серьезно думаешь, что это сработает?

— А почему нет? — Чжао Юйфэнь пододвинула к сыну пачку бумаги для золотых слитков. — Говорю тебе, ты должен сложить сегодня как минимум сотню «юаньбао». И не забывай, ради кого мать так старается. (Юаньбао (слитки): Ритуальная бумага, сложенная в форме традиционных золотых слитков. Считается «валютой» более высокого ранга, чем просто бумажные деньги.)

— Да-да, всё ради меня. Складываю я, складываю... — Луань Чэн со скорбным видом взял лист бумаги и принялся неумело сворачивать слиток, сверяясь с инструкцией из Baidu.

По идее, он уже учился в одиннадцатом классе, нагрузки были запредельные, и ему явно было не до оригами. Но вся проблема заключалась в странных снах, которые преследовали его в последнее время.

Ему снился дед, покойный вот уже десять лет. Старик во сне постоянно жаловался на бедность и требовал какую-то «золотую чашу с яшмовой каймой». Откуда у Луань Чэна такая роскошь?

Сначала он не придал этому значения — мало ли что приснится. Но дед являлся каждую ночь целую неделю без перерывов. Луань Чэн перестал высыпаться, осунулся и на последних тренировках по баскетболу чуть не забросил мяч в корзину собственной команды.

Как раз приближался праздник Цинмин (День поминовения усопших, когда принято посещать могилы и сжигать подношения), и мать рассудила, что старику «там» чего-то не хватает, а значит, нужно отправить ему побольше ритуальных денег.

— Тётя Лян сказала, что нужно ровно тысячу штук. Я сделаю девятьсот, а ты — сотню.

— Легко сказать... Почему она не посоветовала жечь слитки, когда мы покупали бумажные деньги? — Луань Чэн поморщился от досады.

Неподалеку от их дома была лавка ритуальных услуг, хозяйку которой, Лян Мяомяо, он называл просто «тётя Лян». Именно она заверила, что обычных бумажных купюр хватит. В канун праздника Луань Чэн послушно оттащил на перекресток огромный мешок банкнот номиналом в миллиард юаней каждая. Он-то надеялся, что после этого выспится, но нет — следующие несколько ночей дед во сне рыдал еще горше. Делать нечего, пришлось взяться за слитки.

«Великая целительница» Лян заявила: дедушка, мол, счел покупные деньги неискренними. Только слитки, сделанные руками родных, позволят покойному почувствовать тепло семьи.

Ну ладно, слитки так слитки. Всего-то сотня штук! Будем считать, осваиваем новый навык.

— Кстати, мам, а у нас дома есть какая-нибудь «золотая чаша с яшмовой каймой»? — Луань Чэн потер глаза.

— Золотая... что? — не расслышала Чжао Юйфэнь.

— Чаша. Дед во сне постоянно её просит. Может, у нас и правда такая припрятана? — Раньше Луань Чэн считал это бредом, но раз вещь упоминается в каждом сне, вдруг она существует на самом деле?

— Совсем ты, парень, заспался. Чаша ему... Еще скажи — золотые горы. Подумай сам: будь у нас такая ценность, твой дядя и остальные родственнички уже давно бы все двери нам вынесли. — Женщина посмотрела на темные круги под глазами сына, и сердце её смягчилось. — Ладно, сделай еще восемьдесят и иди спать, остальное я сама докручу.

— А если дед решит, что я схалтурил, и опять придет? Да и велика ли разница — восемьдесят или сто? — Луань Чэн вздохнул. — Ладно, доделаю. Не хватало еще, чтобы он решил, будто я не стараюсь. Если я завалю экзамены, нельзя же будет честно сказать, что мне дед по ночам спать не давал?

Чжао Юйфэнь, вспомнив наставления хозяйки лавки, настаивать не стала. Обернувшись, она увидела свекровь: старуха стояла в дверях спальни и отрешенно смотрела на бумажные слитки мутными глазами.

Она появилась совершенно бесшумно. Высохшая, худая, в темно-серой хлопковой пижаме и с седыми волосами, рассыпанными по плечам, она походила на ожившую каменную статую. Чжао Юйфэнь невольно вздрогнула.

— Мама, поздно уже, почему вы не спите? — Она попыталась унять забившееся сердце. — Пить хотите? Принести воды?

— А? Что ты сказала? — старуха словно очнулась.

— Воды, говорю, принести?

— О, нет-нет. Я просто вышла посмотреть, закончили вы или нет. Если нет — я помогу.

— Не нужно, мам, идите отдыхать. Мы сами справимся.

— Ну хорошо, — старуха перевела взгляд с внука на невестку. — Юйфэнь, сильно не усердствуйте. Отец никогда не был привередой, важен сам знак внимания. Когда доделаете, пусть Сяо Чэн занесет слитки ко мне в комнату. Мне нужно дать ему пару наставлений, их нельзя жечь как попало.

— Хорошо, мам. А вы... вы сегодня пойдете?

— Сегодня не пойду, — старуха покачала головой и скрылась в комнате.

Дверь закрылась с протяжным «скриип», который в ночной тишине прозвучал на редкость противно. Странно, когда она выходила, звука вроде не было.

— Мам, надо бы петли у бабушки смазать. Посреди ночи этот скрип звучит просто жутко, — Луань Чэн потер предплечья, покрывшиеся мурашками, и неуютно огляделся.

В их квартире ремонт делали всего пару лет назад — всё было в современном светлом стиле. И только комната бабушки осталась верна «ретро»: тяжелая темная мебель, массивный шкаф, туалетный столик с зеркалом... Бабушка любила такие вещи. Смотрелось это недурно, но порой веяло каким-то могильным холодом. Особенно в последние дни Луань Чэну казалось, что стоит бабушке открыть дверь, как атмосфера во всем доме резко меняется на какую-то

зловещую.

— Тебе еще на улицу идти, не до петель сейчас. Завтра разберемся, — Чжао Юйфэнь продолжила работу, но было видно, что она стала рассеянной.

Мать с сыном провозились до двух часов ночи, пока не набралась ровно тысяча слитков. Луань Чэн, который до этого едва не засыпал на ходу, к концу работы, вопреки логике, окончательно взбодрился. По тому, как он хмурился, было ясно — парня гложет безотчетная тревога.

Чжао Юйфэнь заметила его состояние, но спрашивать ни о чем не стала — причины его беспокойства были ей понятны. Помня наказ свекрови, она сложила готовые «юаньбао» в два больших пластиковых пакета и велела сыну отнести их в бабушкину комнату.

Шло раннее утро понедельника. Время для передачи денег в загробный мир было, честно говоря, не самым подходящим, но на рассвете Луань Чэну нужно было уезжать в школу до самой субботы, так что выбирать не приходилось.

Луань Чэн взвесил пакеты в руках: — Бабуль, они же совсем легкие. А на улице ветер. Вдруг их раздует, пока я буду жечь? Как дед их получит?

Старуха молча смотрела на внука. Через мгновение она произнесла:

— Получит. Если сердце искреннее — обязательно получит.

С этими словами она достала из-под кровати старый медный таз.

Таз был сантиметров тридцать в диаметре. Судя по всему, когда-то он был золотисто-желтым, но сейчас из-за слоя векового налета и грязи цвета было не разобрать. Единственное, что проглядывало — странные узоры по краям, напоминающие мифических зверей. Луань Чэн никогда раньше не видел эту вещь у бабушки.

— Возьми его с собой, — сказала она. — Жги в нем. Когда закончишь, обязательно верни мне. И будь внимателен: смотри, чтобы живой человек не унес с собой ни одного слитка. Сжечь нужно всё дотла, понял?

У Луань Чэна по спине пробежал холодок. Какой нормальный живой человек станет подбирать ритуальные слитки для мертвецов? Тем не менее, он кивнул:

— Понял, бабуль. А в остальном — всё как обычно?

Старуха коротко угукнула: — Надень куртку, ночью зябко.

Луань Чэн послушно сходил в свою комнату за черной ветровкой, проверил зарядку на телефоне и вышел, прихватив два пакета со слитками, медный таз и пачку бумажных денег, которую дала бабушка.

Эти деньги не были покупными — бабушка вырезала их сама. Говорили, что их жгут не для родственников, а чтобы откупиться от бродячих мелких бесов, дабы те не воровали подношение у деда. Хотя Луань Чэн сильно сомневался, что призраки польстятся на этот самодел.

Впрочем, в таких делах лучше слушаться старших.

Станным было другое: стоило пакетам со слитками побывать в комнате бабушки, как их вес

изменился. Пока Луань Чэн ходил за курткой, мешки словно стали вдвое тяжелее.

«Может, кажется?» — подумал он, шагая по безмолвной галечной дорожке двора. Если бы не командировка отца, отъезд брата в колледж и «особые дни» у матери, он бы точно затащил кого-нибудь с собой за компанию. В конце концов, одиночный выход на перекресток в два часа ночи ради сожжения золотых слитков — сомнительное удовольствие, требующее изрядной храбрости.

Но сослагательного наклонения жизнь не знает.

Слитки на месте, таз в руках, зажигалка в кармане, адрес покойного в мыслях... Луань Чэн вышел за ворота жилого комплекса и направился к ближайшему большому перекрестку.

Машин почти не было. Внезапная тишина и пустые улицы рождали то самое неприятное чувство, будто ты случайно забрел туда, где человеку быть не положено.

Луань Чэн добрался до того самого места, где жег деньги прошлой ночью, огляделся по сторонам и, убедившись, что никого нет, очертил круг на привычном пяточке. Со стороны запада он оставил в круге разрыв — это означало, что всё сожженное внутри предназначается тем, кто уже «ушел на запад». (Эвфемизм для смерти. Запад в китайской традиции ассоциируется со страной мертвых (Буддийский Чистый Западный Рай))

Закончив с приготовлениями, он подбросил в воздух несколько листков, вырезанных бабушкой, дождался, пока сгорит конверт с адресом, и только потом принялся за мешки со слитками.

Опасаясь, что их раздует ветром, он не решался доставать много за раз — вынимал по три-пять штук и аккуратно подносил к огню.

Странное дело: ветер гулял приличный, но стоило слитку оказаться в тазу, как он замирал, будто приклеенный. Бумага вспыхивала мгновенно и сгорала в пепел за секунды — казалось, будто кто-то невидимый заботливо придерживает подношение в тазу.

Заметив это, Луань Чэн осмелел и стал кидать побольше. Вскоре оба мешка опустели на две трети. Всё это время он не смел поднять головы, вперив взгляд то в медный таз, то в пакеты, лишь бы не увидеть чего-то такого, что потом не развидеть до конца жизни.

И вот, когда работа подходила к концу, натянутая струна в его голове чуть ослабла. Он потянулся за последней горстью...

Дзынь!

Один из слитков, коснувшись края таза, внезапно издал громкий металлический звук, а едва загоревшись с уголка, тут же был подхвачен порывом ветра! Хотя все остальные слитки послушно превратились в прах, этот единственный вылетел из таза и в мгновение ока унесся метров на десять в сторону.

— Твою ж налево! — Луань Чэн, помня наказ бабушки, припустил за ним со всех ног. Но как бы быстро он ни бежал, угнаться за летящей бумажкой было невозможно: каждый раз, когда он уже готов был схватить её, ветер уносил «юаньбао» дальше. В итоге слиток с обгоревшим краем затянуло воздушным потоком за пронсящийся мимо черный «Бентли», и он окончательно исчез из виду.

— Да чтоб тебя приподняло и шлепнуло! — Луань Чэн выставил средний палец вслед

стремительно удаляющейся машине и в сердцах взъерошил волосы.

— Кого... приподняло? — Внезапно температура вокруг упала до минусовой, и вместе с ледяным холодом раздался хриплый, скрежещущий голос. Прямо перед ним медленно поднялась фигура...

Нет, точнее сказать — кровавое призрачное марево. Этот фантом, с учетом расстояния от земли, был примерно одного роста с ним. Мужчина. Живого места на коже не осталось — сплошное месиво из вывернутой плоти. Луань Чэн не мог разобрать, сколько призраку лет, но главное было в другом: этот тип, черт возьми, левитировал! Он парил над асфальтом!

Существо в упор уставилось на Луань Чэна, а его налитые кровью глазные яблоки, казалось, вот-вот вывалятся из орбит:

— Кого... ты там... собрался?

Тело Луань Чэна мгновенно оцепенело, словно его замуровали в лед.

— П-п-простите! Я... я честно, это я не вам! — Луань Чэн замахал руками, лихорадочно вспоминая бабушкины советы. Дрожащими пальцами он выудил из кармана горсть самодельных бумажных денег и протянул их вперед: — Будете... брать?

Призрак скосил глаза на деньги в его руке, в его взгляде промелькнуло мимолетное недоумение. Но он ничего не сказал, лишь молча развернулся и поплыл прочь. Денег из рук Луань Чэна он не взял, но купюры, будто обретя разум, сами вырвались и полетели за ним, выстроившись в цепочку по направлению на запад.

Луань Чэна затрясло. Он попятился.

Биип! — сзади внезапно раздался резкий автомобильный гудок.

— Мама дорогая! — Луань Чэн подскочил, словно в нем нажали кнопку «пуск», и резко рванул в сторону: — А-а-а-а! Привидение!

В следующую секунду по пустынной ночной дороге, словно выпущенная из лука стрела, неслась черная тень. Он летел до самого поста охраны жилого комплекса и остановился, только когда увидел живого человека.

— Ха... ха... уф... — Луань Чэн пытался восстановить дыхание.

Охранник, знавший парня в лицо, с любопытством наблюдал, как тот жадно хватается ртом воздух, а потом внезапно — хлоп! — со всей дури отвешивает себе пощечину.

— Ты чего, Луань Чэн? Зачем себя бьешь?

Луань Чэн несколько раз закашлялся и махнул рукой: — Да... ничего.

Просто он вдруг вспомнил, что бабушкин медный таз так и остался брошенным на перекрестке. Смерти моей хотите!

Луань Чэн заставил себя развернуться и пойти обратно, но, придя на место, обнаружил, что там, где он жег слитки, никакого таза нет и в помине. Где таз?!

Ну всё: слиток не дожег, таз посеял... Бабушка его просто прибьет.

С тяжелым сердцем и дурными предчувствиями он поплелся домой, даже не подозревая, что в пятистах метрах позади кто-то, придерживая таз одной рукой и вцепившись в руль велосипеда другой, изо всех сил крутит педали на юг... Хотя еще полминуты назад этот человек стоял с тазом и ждал его.

---

От переводчика: Друзья, надеюсь, чтение этой истории принесет вам удовольствие! Я стремлюсь к "чистому" тексту, поэтому, если вы обнаружите опечатку или мелкую ошибку, не считите за труд указать на неё. Это поможет мне сделать работу лучше и приятнее для всех. Спасибо за поддержку и приятного вам чтения!

<http://bllate.org/book/16943/1571850>